

РЕЦЕНЗИИ

«НОРМАТИВЫ СМЕРТИ»: ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАКТОВОК И ПРАКТИК УХОДА ИЗ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Протопресвитер Александр Шмеман. Литургия смерти и современная культура. М.: ГРАНАТ, 2013. 176 с.
Erickson K.A. How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 с.

С древнейших времен вряд ли какие-то иные вопросы привлекали столь же всепоглощающее внимание человечества и вызывали столь же бурные споры, как смерть в совокупности ее физиологических, психологических, антропологических, экономических, религиозных и прочих проявлений.

Столь богатое «содержание», казалось бы, простого биологического процесса не могло не сделать его предметом интереса представителей самых разных дисциплинарных направлений, формально имеющих к смерти весьма отдаленное отношение, а потому нередко вынужденных выслушивать упреки в покушении не на свою вотчину и убеждать в обоснованности своих претензий.

Социологии в этом отношении повезло меньше прочих дисциплин как в силу объективно более позднего становления в качестве самостоятельной науки, так и по причине своих базовых исследовательских интересов, которые все же сосредоточены на деятельности живых людей, даже если они взаимодействуют по поводу «своих» мертвых. Тем не менее, можно составить целый список работ известных ученых, в большей или меньшей степени составивших социологическую традицию, рассмотревших определенные аспекты умирания как процесса социального по своей природе, т.е. культурно детерминированного.

В рамках социологического изучения смерти можно выделить два условных направления: дискурс о смерти или попытки представить некое внятное и социально насыщенное ее концептуальное определение; и исследования смерти, или попытки эмпирической оценки отношения общества к разным проблемам, связанным с умиранием (скажем, к самоубийству, эвтаназии и пр.), причем нередко это проекты с прикладными задачами (очевидно, эвтаназия требует легитимации прежде чем превращаться в легальную практику, а уровень самоубийств любое общество стремится контролировать и минимизировать).

В рамках первого направления сложилось устойчивое словосочетание «нормативы смерти», которые зависят от конкретного общества в заданный исторический период. Например, во многих странах запрещена смертная казнь из-за опасений лишить жизни невинного человека, а ежедневная статистика смертности в дорожно-транспортных происшествиях, несмотря на ужасающие цифры, воспринимается как повседневная норма и не вызывает у людей особого отклика; в отличие от прежних эпох, сегодня смерть в результате нападения хищника или вследствие заболевания гриппом — абсолютный нонсенс и вызывает широкий общественный резонанс; на войне убийство врага в коллективных интересах считается оправданным, террористические акты, напротив, вызывают бурное социальное негодование [3].

К теоретическому уровню социологического анализа смерти можно отнести и введенную Т. Парсонсом дихотомию активного (рациональная оценка угрозы смерти) и фаталистического (отрицание смерти) отношения к ней [13]; и отмеченную Р. Блаунером зависимость отношения к смерти от возраста по причине роста ее прогнозируемости и, соответственно, принятия [7]; и показанный В. Маршаллом социальный характер принятия смерти, поскольку переосмысление собственной жизни в пожилом возрасте все равно базируется на общепринятых нормах отношения к смерти [10] и т.д.

Несомненно, социология в значительной степени заимствовала антропологические трактовки смерти — как эволюционные, так и функциональные: в первом случае речь идет о классических этнографических работах, иллюстрирующих жизнь туземных сообществ, их отношение к смерти, обряды и ритуалы, историческая трансформация которых прослеживается в современных практиках; во втором случае можно сослаться на работы Э. Дюркгейма [1] и Р. Герца [9], которые считали своей задачей объяснение различий в восприятии смерти и сопровождающих ее ритуалах социальными детерминантами (сюда же можно отнести и утверждение П.А. Сорокина, что одна из социальных причин самоубийств — подражание [6]).

Первым серьезным эмпирическим исследованием феномена смерти в социологии считается работа Э. Дюркгейма «Самоубийство», поскольку автор стремился выделить типы самоубийств исходя из их социальных причин, используя правительственные статистические отчеты и «наблюдения индивидуальных случаев» [1]. За прошедшие десятилетия предметное поле эмпирических исследований смерти расширилось, но в нем отчетливо выделяется несколько интересующих исследователей вопросов: насколько общество боится смерти — как таковой и дискурсивно [см., напр., 14]; как воспринимается потеря значимых других и близких [см., напр.: 11; 12]; как конструируются, поддерживаются и воспроизводятся «нормы умирания» — культурные практики ухода за больными, передачи наследства, организации похорон, оформления и размещения кладбищ и т.д. [см., напр.: 2; 5].

Таким образом, специфика социологического исследования смерти как феномена предельно социального, несмотря на свою биологическую природу, состоит в изучении существующих в обществе «нормативов смерти», однако, за исключе-

нием самого факта физиологического умирания, мало что еще объединяет многочисленные трактовки и оценки смерти в современном обществе. Тем не менее, все их многообразие можно свести в две группы, и содержательные акценты каждой отражены в рецензируемых книгах: во-первых, это религиозное восприятие смерти; во-вторых, предельно человеческое, но не в смысле атеистического неприятия, а с точки зрения признания неизбежности столкновения с ней на сугубо бытовом уровне, когда нам лично придется принимать массу непривычных решений в отношении себя и близких.

Несмотря на то, что по названиям обе рецензируемые книги вряд ли можно отнести к социологическому дискурсу, ниже будет показано, что обе небольшие по объему работы исключительно важны для социологов, специализирующихся на исследованиях смерти, особенно для отечественных авторов, поскольку показывают специфику современного западного отношения к смерти — в критическом (А. Шмеман) и прикладном (К. Эриксон) форматах, а также ретроспективно (лекции А. Шмемана были прочитаны в 1970-е гг., а потому объясняют, например, на каком мировоззренческом фундаменте в Америке возникло хосписное движение и связанные с ним проблемы, о которых пишет К. Эриксон сегодня).

Безусловно, смерть сложно рассматривать вне религиозного контекста, поскольку впервые к ней обратились антропологи, а в традиционных обществах божественное выступает неотъемлемой частью социальной и повседневной жизни. Сегодня религиозное «измерение» смерти зачастую воспринимается в «прикладном» аспекте, т.е. исследователи связывают страх смерти с определенным типом религиозности, апеллируя к понятиям «буферизация» (религиозные взгляды рассматриваются в качестве буфера, блокирующего страх перед смертью как перед шагом в вечную жизнь), «управление страхом смерти» (чем более однородна и многочисленна религиозная конфессия, чем выше ее солидарная уверенность в правильности своих идей, тем ниже уровень тревоги перед смертью), «криволинейность» (несмотря на веру в Бога, люди не могут быть полностью уверены в существовании загробной жизни) или «принятие смерти» (отрицание связи между уровнем религиозности и страхом смерти) [8].

Небольшая книга протопресвитера Александра Шмемана представляет собой конспект лекций, прочитанных в Свято-Владимирской семинарии в Нью-Йорке, чтобы не только обозначить проблему смерти в рамках церковного канона и христианского миропонимания, но и рассмотреть ее трансформации в постхристианской культуре современного секулярного общества.

Книга категорически отрицает прикладной взгляд на взаимосвязь религии и отношения к смерти, по крайней мере в христианстве, хотя автор и подчеркивает, что ставит перед собой задачу «именно на практическом уровне — пастырском, литургическом, музыкальном, рассмотреть проблемы, относящиеся к той существенной области церковной жизни и служения, которую можно назвать “литургией смерти”... Слово “литургия” употребляется не в его узком, исключительно литургическом значении, но в том смысле, какое оно имело в ранней Церкви, где обозначало существенное служение и функцию, включая в себя и церковное видение смерти, и ответ на нее» (с. 23).

Книга состоит из четырех лекций, формально посвященных разным вопросам, но, по сути, с разных позиций раскрывающих причины и следствия ошибочного восприятия смерти в западной секулярной культуре в целом и существующем в ее рамках христианстве в частности. В первой лекции «Развитие христианских погребальных обрядов» автор утверждает, что «именно в отношении к смерти раскрывается и определяется понимание жизни в конкретной культуре» (с. 25) и проблема западной секулярной культуры состоит в том, что она видит смысл и ценность только и исключительно в жизни, без отнесенности к чему-то «потустороннему». Дело отнюдь не в атеизме или отрицании религии (американский секуляризм «патологически религиозен»), а в том, что в культуре «нет места для смерти как значимого события... можно, не боясь прослыть циником и не пытаясь легковесно пошутить, сказать, что единственная ценность смерти — это наличная стоимость страховки жизни покойного: в этом хотя бы есть нечто осязаемое, реальное... Поэтому для обращения со смертью наше общество создало сложный, но отлично налаженный механизм, неизменную эффективность которого обеспечивает столь же неизменно безупречная помощь работников медицины и похоронной индустрии, священнослужителей и — последней из заговорщиков по счету, но не по значению — самой семьи. Этот механизм запрограммирован на предоставление клиентам многочисленных услуг в определенном порядке. Это делает смерть настолько легкой, безболезненной и незаметной, насколько возможно...» (с. 30—31).

Обращаясь к концепции Ф. Арьеса, которого Шмеман называет лучшим специалистом в области истории смерти, он заимствует из нее понятие «медикализация смерти», «что означает перенесение смерти в больницу и отношение к ней как к постыдной, почти неприличной болезни, которую лучше держать в тайне, эта “медикализация” сначала радикально принизила роль священника во всем процессе умирания, т.е. в том, что предшествует смерти... Второй этап (обращение с телом, или, как говорит Церковь, с «останками покойного») Церковь полностью отдала культуре» (с. 32—33). К концепции «гуманизации смерти», представленной работами Э. Кюблер-Росс, создательницы теории психологической помощи умирающим больным, автор также относится негативно по той причине, что за якобы интересом к смерти здесь на самом деле скрывается стремление «гуманизировать смерть» так же, как и «гуманизировать жизнь» (естественные роды, натуральные продукты и пр.), т.е. «гуманизация» «не очищает смерть от ее безнадежной бессмысленности как “чего-то”, что не имеет никакого отношения к нашей жизни здесь и сейчас» (с. 37).

Причины секуляризации смерти автор видит в разложении средневековой христианской цивилизации и формировании секуляризма как «постхристианской ереси», суть которой — «прогрессивное отъединение самими христианами жизни от смерти, смерти от жизни, в обращении (духовном, пастырском, литургическом, психологическом) с ними как с отдельными явлениями, отдельными объектами или областями заботы Церкви» (с. 41). Если в прошлом священник большую часть своего времени посвящал усопшим, то сегодня он выступает как духовный руководитель и даже «социальный вождь живых», «активный член великого терапев-

тического сообщества, занятый духовным, умственным и физическим здоровьем человека. Еще более важно то, что смерть сегодня — это очевидно важный и постоянный, но частный сектор церковной деятельности. Частный — и клерикальный; именно священник, а не Церковь в ее целостности занимается усопшим, священник исполняет “профессиональный долг” посещения больных и страждущих. На самом деле эта “клерикализация смерти” предшествовала ее “медикализации”. Именно Церковь впервые отвела смерти специальный “отсек” и распахнула — психологически и культурно — двери ее физическому изгнанию в анонимность больничной палаты. Смерть — для мертвых, не для живых. Они, умершие, конечно, заслуживают соблюдения внешних приличий и сомнительной красоты похоронной церемонии, вплоть до непонятого, но глубоко трогательного отпевания, и поминовения по специальным дням, и принесения цветов на могилы... И поскольку, соблюдая эти правила, мы, живые, выполняем перед усопшими свои обязательства, наша совесть совершенно спокойна. Жизнь продолжается, и мы можем мирно обсуждать дальнейшие дела...» (с. 44—45).

Вторая часть первой лекции Шмемана посвящена исторической хронологии постепенного разъединения мира живых и мира мертвых в церковной традиции, начиная с древнейшего культа мертвых, призванного не допускать приближения мертвецов к живым (первобытный человек боится не столько смерти, сколько мертвецов), т.е. религия изначально возникла как некая технология смерти, затем к христианской революции — она радикальным образом перенесла религиозный интерес со смерти на Бога (в христианстве смерть оплакивается лишь потому, что она — разлука с Богом, смерти не сотворившим), отсюда — евангельское утверждение о воскресении Иисуса Христа и обещание воскрешения тем, кто верит в Него и соединен с Ним, отсюда же — смысл истинно христианского похоронного богослужения в том, «что оно вечно претворяет “надгробное рыдание в песнь Аллилуйя!” — песнь тех, кто за пределами этой жизни, за пределами смерти, лицезреют Бога» (с. 57), и далее к сегодняшней секулярной культуре, которая навязывает нам «старую дохристианскую смерть, прирученную, дезинфицированную, вульгаризированную, которую скоро нам будут доставлять вместе с медицинской справкой, гарантирующей “существование после смерти”» (с. 56).

Во второй лекции «Похороны: обряды и обычаи» автор показывает, как эти сложные трансформации практической деятельности церкви, отраженные и в ее догматике, складывались внутри «литургии смерти», которая включает в себя похоронный обряд и сложную византийскую систему молитв за усопших. Данная часть лекций наиболее «богословская», хотя и здесь показаны социальные последствия изменения содержания и последовательности чтения отдельных молитв, скажем, для такой отдаленной от религии сферы деятельности, как урбанистика, в связи с изменением размещений кладбищ — максимально далеко от городов, потому что мертвые сегодня признаны совершенно мертвыми, а не живыми во Христе, а также для «изгнания усопших из дома, “естественного” места смерти, в безликую анонимность больниц, где тело обмывают и приготавливают к его последнему земному паломничеству — пути к могиле» (с. 71).

Третья лекция «Молитвы за усопших» посвящена «второму слою погребения — гимнографии», в которой наиболее ярко зафиксирована трансформация отношения к смерти. Во-первых, изменилось «участие» самого усопшего в погребальном богослужении — первоначально не существовало литургического различия между усопшим и живым, считалось, что живые молятся не за него, а происходит совместное богослужение живых и мертвых, «празднование Церковью, которая включает в себя как живых, так и мертвых, смерти Христовой» (с. 107), но христианская гимнография разделила роли живых и мертвых — теперь живые молятся за усопшего, это не общая молитва живых и усопших, потому что смерть стала рассматриваться как молчание, т.е. усопший лишен возможности молиться, а живым остаются лишь стенания и плач о нем. Во-вторых, изменилась сама идея или «чувство» смерти: если раньше речь шла о смерти и воскресении Христа, то теперь в погребальной гимнографии смерть стала ужасом и разделением, мраком и темнотой. В-третьих, изменилось понимание загробной жизни: ветхозаветная ее трактовка называет упокоевание от дел мирских «божественным покоем, истинным исполнением жизни», сегодня же смерть воспринимается как непокой, ибо «нет покоя в аду, который есть разлучение с Богом, ...и смерть радикально противоположна жизни» (с. 112—113).

Таким образом, если «для первых христиан вся их жизнь в Церкви была приготовлением к смерти и вся жизнь была общением с усопшими, упокоившимися во Христе (в ранней Церкви в молитве мы, живые, ходатайствуем за усопших, а они ходатайствуют за нас), то теперь смерть превращается в объект “специального приготовления”» (с. 119).

Завершающая книгу лекция «Литургия смерти и современная культура» представляет собой краткий план практических действий в сфере богословского образования, призванных помочь православной церкви «не реформировать литургию смерти, не модернизировать ее, но просто открыть ее заново, снова увидеть ее в истине и славе, т.е. в ее связи с верою Церкви, со значением бессмертной смерти Христа для усопших, для нас всех... Такое “открытие заново” необходимо прежде всего Церкви — слишком много в этой области измен и извращений, но оно необходимо и нашей секулярной культуре, за которую, хотим мы того или нет, мы несем ответственность» (с. 135). По мнению автора, секулярная культура заставляет нас проживать свою жизнь так, будто она не имеет никакого отношения к смерти, подавляя смерть — посредством ее «медикализации» и примирения (врачи и организаторы похорон стремятся смягчить неприятность процедуры для живых) или же «гуманизации»/«натурализации», т.е. обращения со смертью «по-взрослому» — оба подхода обесмысливают смерть как что-то, с чем нужно справиться. «Отрицающая смерть» культура заставляет нас забывать о том факте, что все мы «потенциальные трупы», а не потребители (способные бегом трусцой и подсчетом калорий в шестидесятилетнем возрасте выиграть лишних два года жизни), поэтому мы должны вернуться к раннехристианской трактовке смерти как победы над трагедией смерти, которую нужно все время одерживать (поэтому Церковь пребывает в мире после воскресения Христа), и в то же время как единой реальности живых и мертвых, основное содержание которой — надежда.

Книга Карлы Эриксон «Как мы умираем сегодня: умирание как интимная часть жизни и работа» абсолютно внерелигиозна, но имеет столь же открыто декларируемую практическую направленность, как книга А. Шмемана, хотя и в претящем ему формате медиализации и гуманизации.

Фактически перед нами обобщенный опыт тех, кто по долгу своей службы работает с умирающими, причем опыт, насыщенный яркими и светлыми по тональности иллюстрациями из повседневности «рядом» со смертью.

Книга состоит из пяти глав: «Как мы умираем сегодня: старение и умирание американцев в XXI веке», «Парадокс долговременной заботы: она нужна, но так пугает», «Совместный переход от жизни к смерти: жизнь, работа, старение и умирание в доме престарелых “Уинтроп Хаус”», «Уроки конца жизни: чему учатся сотрудники хосписа, помогая людям умирать», «Созависимость: привязанность, признание и благодарность за помощь друг другу». Поскольку содержательно все разделы книги тесно переплетены, ниже будут обозначены основные идеи работы без их четкой поглавной локализации.

По мнению Эриксон, актуальность ее книги сегодня очевидна по той простой причине, что жизненный цикл человека в современном (развитом западном) обществе радикальным образом меняется — увеличивается средняя продолжительность жизни, что не могло не повлечь за собой трансформацию процессов умирания.

В течение XX в. продолжительность жизни постоянно увеличилась, и сегодня среднестатистический американец живет на тридцать лет больше своего предка сто лет назад благодаря повышению качества жизни в целом и развитию медицины в частности.

Однако увеличение продолжительности жизни, что само по себе не может не радовать, изменило структуру причин смертности: медицинские открытия позволили добиться успеха в борьбе со множеством заболеваний, влекущих летальный исход, и существенно снизили риск смерти на ранних стадиях жизни (хотя нельзя исключать возможность скоропостижной смерти вследствие несчастных случаев, инсультов, инфарктов и т.д.), но одновременно статистически значимо возрос уровень смертности от продолжительных заболеваний (рак, болезни сердечнососудистой системы, связанные с неврологической системой или слабоумием, например, Альцгеймера, Паркинсона и т.д.). В большинстве случаев умирание пациентов с такими формами заболеваний происходит достаточно медленно, т.е. сопровождается осознанием происходящего. Подобная трансформация процессов и практик умирания требует новых подходов к изучению и сопровождению смерти, чему и посвящена книга Эриксон, в которой представлены результаты исследования, проводившегося в течение двух лет посредством интервьюирования работников хосписов и включенного наблюдения автора в доме престарелых «Уинтроп Хаус».

Автор стремится обосновать необходимость для современного общества специализированных учреждений по уходу за пожилыми людьми: несмотря на то, что, согласно данным общенациональных опросов общественного мнения, большинство американцев предпочли бы провести остаток своих дней дома, неумолимая

статистика фиксирует неуклонное возрастание доли смертей в медицинских учреждениях, а также в домах престарелых.

Основной довод автора в пользу существования специализированных учреждений для престарелых состоит в том, что в связи с возрастанием продолжительности жизни все больше людей исключительно по причине возрастных проблем со здоровьем просто не в состоянии вести самостоятельный образ жизни, особенно если они одиноки или их дети живут слишком далеко, чтобы окружить родителей ежедневной заботой. Причем дома престарелых способны оградить пожилых людей не только от бытовых трудностей, но и предоставить необходимый медицинский уход, особенно важный для тех стариков, что страдают от разных форм возрастного слабоумия: даже если у них есть родные, которые могут и хотят заботиться о своих пожилых близких, зачастую они просто не в состоянии обеспечить необходимый профессиональный уход. Например, пожилые люди, страдающие от болезни Альцгеймера, могут стать серьезным бременем для семьи в силу объективной потребности в ежедневном повышенном внимании вследствие прогрессирующих изменений в сознании.

Все перечисленные обстоятельства автор считает веским доводом в пользу создания в каждой стране разветвленной сети учреждений, в которых специально обученный персонал сможет не только оказать медицинскую помощь пожилому человеку, но и обеспечить ему надлежащий ежедневный уход, окружив его заботой и вниманием, т.е. речь идет о дополнительном обосновании медиализации и гуманизации процесса умирания задолго до непосредственной угрозы смерти вследствие изменения среднестатистических социальных сценариев ухода из жизни в современном стремительно стареющем обществе.

Однако, несмотря на очевидные и в целом признаваемые общественным мнением «плюсы» специализированных учреждений для престарелых людей, по мнению Эриксона, до сих пор сильны негативные коллективные представления о передаче неодинокого человека в специализированное учреждение (будь то дом престарелых или хоспис), которые она объединяет в две группы социальных страхов. Во-первых, считается, что в дома престарелых отправляют только нелюбимых родственников их злые или неблагодарные близкие. Данное устойчивое предубеждение объясняется стереотипизированным представлением о домах престарелых — это якобы казенные учреждения с невыносимыми условиями жизни, в которые, как ненужный надоевший хлам, сдают ставших обузой родственников. Эриксон стремится развенчать этот социальный миф, утверждая, что сегодня, по крайней мере в Америке, дома престарелых представляют собой коммерческие учреждения, где за определенную ежемесячную плату постояльцу предлагается круглосуточно целый спектр высококачественных услуг по уходу и медицинскому обслуживанию, которые просто не в состоянии обеспечить ему близкие дома, а также высокий уровень комфорта проживания и разнообразный досуг, что не позволяет пожилому человеку чувствовать себя одиноко.

Второй устойчивый миф американского общества состоит в том, что находящиеся в доме престарелых пожилые люди со временем утрачивают самостоятель-

ность, привыкая к постоянному присмотру и полному обеспечению всем необходимым. Нередко данный страх формулируется и более «лично»: «институциональные формы присмотра за пожилыми слишком безличные... а потому лишают пожилого человека его личной идентичности» (с. 52).

По мнению Эриксона, современные американские дома престарелых напоминают своей атмосферой и организацией жизни скорее университетские кампусы, чем тюрьмы, и обеспечивают своим постояльцам широкие возможности для свободного выбора времяпрепровождения, стремятся обслуживать их лишь в той мере, в какой это необходимо для компенсации их слабостей и облегчения жизни, но категорически не склонны лишать их самостоятельности и делать абсолютно зависимыми от собственных услуг, т.е. задача дома престарелых — улучшить качество жизни пожилого человека с тем, чтобы скрасить последние дни его жизни, поэтому пожилые люди могут не только почувствовать себя комфортно и безопасно, но и обрести множество новых знакомств, избавиться от ежедневных бытовых забот и посвятить освободившееся время тому, чем им действительно хочется заниматься.

Проведя исследование в доме престарелых «Уинтроп Хаус», наблюдая за повседневным взаимодействием сотрудников и постояльцев, автор приходит к выводу, что многие социокультурные страхи относительно институциональных условий старения и умирания беспочвенны: действительно, часть пожилых людей плохо переносит переезд в незнакомую чужую среду из родного дома, но большая часть буквально расцветает в новых для себя условиях, а некоторые даже утверждают, что «пребывание в доме престарелых стало одним из лучших этапов в их жизни» (с. 64).

По результатам проведенных интервью и включенного наблюдения Эриксон формулирует «восемь уроков окончания жизни» (с. 111), которые ей помогли сформулировать сотрудники дома престарелых «Уинтроп Хаус», пытаясь объяснить, что их работа не только «физически, медицински, эмоционально, социально и духовно выматывающая, но и в то же время очень благодарная», поскольку позволила очень многое понять в умирании и помогла смириться со смертью.

1. «Современные медицинские технологии способны продлить жизнь пациента даже совершенно бессмысленным образом», т.е. невзирая на результирующее качество жизни и чувства пожилого человека. Нередко родственники прикладывают максимум усилий, чтобы жизнь близкого человека длилась как можно дольше, забывая о том, что чувствует ведущий почти растительное существование умирающий человек, ощущающий себя тяжким бременем для своей семьи и испытывающий поэтому не только физические, но и моральные страдания. Сотрудники домов престарелых убеждены, что вместо бессмысленного продления жизни пожилого человека лучше сосредоточиться на ее качестве — успеть пообщаться и попрощаться с умирающим родственником, принять смерть как данность и успеть сказать самые нужные и важные для всех слова, которые в погоне за дополнительным временем физического существования часто просто не успевают быть сказаны.

2. У человека всегда есть выбор, пусть даже и сложнейший экзистенциальный выбор между жизнью и смертью: даже в самых критических случаях нужно сохранять ясный рассудок и, принимая решение о подключении человека к аппаратам искусственного поддержания жизни, не забывать задавать себе вопрос, а насколько ему и его близким нужна такая жизнь. Иными словами, у каждого есть выбор: поддерживать подобное существование дальше или дать своему родному человеку уйти.

3. «Люди боятся не смерти как таковой, а смерти “плохой”, мучительной» (с. 118): сотрудники хосписов и домов престарелых утверждают, что большинство их постояльцев страшатся не столько смерти, сколько обстоятельств, которые могут ее сопровождать — люди не хотят окончательно утратить самостоятельность, стать обузой для семьи, в том числе и с точки зрения финансовых затрат, а основной страх людей, осознающих приближение смерти, — это боль и физические страдания.

4. «Человек в состоянии осознать приближение смерти» (с. 121): если в молодости смерть представляется исключительным и неожиданным событием, нарушающим рутинное течение жизни и разрывающим саму ее ткань, то в пожилом возрасте смерть превращается в неотъемлемую часть повседневного существования, которая постоянно находится где-то поблизости. Сотрудники хосписов не только не считают процесс умирания непредсказуемым, но, наоборот, могут в точности определить момент начала активного процесса умирания по целому ряду физических и поведенческих маркеров. Идентификация таких признаков позволяет им заранее психологически подготовить родственников, окружить больного максимальной заботой и помочь ему подойти к последней черте с моральной готовностью, полным осознанием происходящего и завершив все свои земные дела.

5. Сотрудники хосписов и домов престарелых считают, что смерть нужно планировать: во-первых, это избавляет родственников от многих трудностей просто потому, что умирающий заранее предупреждает их о своих пожеланиях и дает четкие указания, как следует поступать после его кончины; во-вторых, планирование смерти — важный шаг для личного осознания неизбежности смерти и примирения с ней.

6. Как ни банально это прозвучит, но на заключительном этапе жизни даже самые незначительные мелочи, свидетельствующие о внимании, заботе и участии, могут оказаться крайне важными для умирающего человека: нередко у людей на терминальных стадиях заболевания появляется страх быть отвергнутым своим окружением, потому что в современной культуре болезнь и смерть считаются чем-то неприятным, что нужно скрывать, поэтому особую важность на этом этапе обретают различные формы тактильного контакта с умирающим, не говоря уже о прочих вариантах вербальной и эмоциональной поддержки.

7. Пока человек жив, еще не поздно высказаться: по мнению сотрудников домов престарелых и хосписов, современное общество живет в плену заблуждения, что умирающего человека нужно окружить атмосферой молчания, поэтому родные зачастую пытаются оградить его от сильных эмоций и всяческих переживаний,

скрывая от него реальную тяжесть его заболевания и оставшееся время жизни. Сотрудники хосписов убеждены, что подобное поведение имеет только негативные последствия, потому что лишает людей последнего шанса поговорить честно и искренне, оказав тем самым, эмоциональную поддержку, в которой умирающий остро нуждается и по-настоящему в состоянии оценить.

8. «Сопровождение умирающего в последний путь — привилегия»: сотрудников хосписов и домов престарелых совершенно не удручает их работа, несмотря на очевидные проблемы и сложности, связанные с постоянным нахождением рядом и вместе с умирающими людьми. Наоборот, они уверены, что только в подобной ситуации можно многое понять в жизни, научиться отличать важное от преходящего и незначительного, выработать в себе способность к эмпатии и пониманию других.

Несомненно, исследование Эриксона представляет нам уникальную возможность посмотреть на жизнь пожилых людей в специализированных учреждениях и на заключительный этап жизни в современном обществе иными глазами (с позиций простого читателя) и через иную аналитическую оптику (с позиций социального исследователя), хотя оба «взгляда» взаимосвязаны, поскольку смерть — одна из редких областей нашей жизни, которая затрагивает любого, невзирая на его профессиональные интересы. Причем в гуманизации умирания, которая так претит Шмеману в силу своего предельно секулярного характера, есть масса позитивных черт именно в предлагаемом им формате сближения мира живых и мира мертвых. Однако, к сожалению, это «возвращение» умирания в нашу повседневную жизнь, пусть и в виде некоей периферийной институциональной структуры (когда пожилые люди находятся не дома, а за пределами нашего обыденного круга забот, в специализированных учреждениях), для российского общества все еще остается почти несбыточной идеальной моделью (признаемся честно, первый страх американцев, который Эриксон считает социальным мифом, в России слишком часто оказывается объективной реальностью небезопасных государственных домов презрения немощных стариков). Конечно, в России уже появилось некоторое количество частных коммерческих домов престарелых, но они, как правило, слишком дороги и потому сосредоточены в финансово благополучных крупных городских агломерациях.

Впрочем, и в Америке прекрасные частные пансионаты, несмотря на свое куда большее распространение, чем в России, пока не могут обеспечить запросы общества на получение помощи в заботе о престарелых родственниках. Эриксон честно признает, что качественную медицинскую помощь и условия проживания на заключительном этапе своей жизни сегодня может получить далеко не каждый американец: доступность таких услуг зависит от места проживания, размера населенного пункта, материального достатка и даже этнической принадлежности человека. Несмотря на то, что в США примерно треть всех расходов на здравоохранение приходится именно на заключительные этапы жизни человека, что превышает аналогичные показатели многих других развитых стран, данная система требует реконструкции, поскольку несет слишком высокие материальные издержки, которые далеко не всегда соответствуют качеству предоставляемой помощи. Прежде

всего Эриксон считает необходимым изменить отношение к паллиативной медицине: задачей общества в целом и медицины в частности должен стать максимальный комфорт человека в последние дни его жизни, а не бесконечные высокозатратные и нередко бессмысленные попытки продлить эту жизнь, невзирая на ее качество, потому что большинство пациентов на паллиативном этапе жизни нуждаются только в спокойствии, обезболивании и комфортных условиях, чтобы провести последние дни своей жизни в сознании и рядом с близкими.

Как показывают многочисленные опросы общественного мнения, россияне в целом разделяют социальные стереотипы американцев в отношении домов престарелых и передачи близких в специализированные учреждения на заключительных этапах жизни. Но, вероятнее всего, на этом сходства американского и российского обществ в отношении к смерти с позиций работы Эриксона заканчиваются, поскольку уровень развития патронажных и хосписных услуг в России крайне низок и не внушает оптимизма, учитывая объективные социально-экономические условия и коллективные представления россиян об умирании и родственных обязанностях. Тем не менее, тенденции развития некоммерческих фондов поддержки хосписного движения и домов престарелых в России в последние десятилетия позволяют надеяться, что в скором времени и в России произойдет трансформация базовых моделей восприятия смерти (не в религиозном контексте), за которой неизбежно последует и институционализация соответствующих поведенческих практик и «нормативов смерти».

И.В. Троцук, Н.Н. Кочкина

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М., 1994.
- [2] Елютина М.Э., Филиппова С.В. Ритуальные похоронные практики: содержательные изменения // Социологические исследования. 2010. № 9.
- [3] Ильясов Ф.Н. Феномен страха смерти в современном обществе // Социологические исследования. 2010. № 9.
- [4] Лексин В.Н. Умереть в России // Мир России. 2010. Т. 19. № 4.
- [5] Rogozin Д. Социология смерти // Отечественные записки. 2010. № 5.
- [6] Сорокин П.А. Самоубийство как социальное явление // Социологические исследования. 2003. № 2.
- [7] Blauner R. Death and social structure // *Psychiatry*. 1966. Vol. 29.
- [8] Ellis L., Wahab E.A. Religiosity and fear of death: A theory-oriented review of the empirical literature // *Review of Religious Research*. 2013. Vol. 55. № 1.
- [9] Hertz R. *Death and the Right Hand*. New York, 1960.
- [10] Marshall V. *Last chapter: A sociology of aging and dying*. Belmont, 1980.
- [11] Moss M. S., Moss S.Z. Multiple social contexts in qualitative bereavement research // *Journal of Aging Studies*. 2012. Vol. 26. Vol. 4.
- [12] Nseir S., Larkey L.K. Interventions for spousal bereavement in the older adult: An evidence review // *Death Studies*. 2013. Vol. 37. № 6.
- [13] Parsons T. *Death in American society: A brief working paper* // *American Behavior Science*. 1963. Vol. 6.
- [14] Riley J.W. Dying and the meanings of death: Sociological inquiries // *Annual Review of Sociology*. 1983. Vol. 9.

**“STANDARDS OF DEATH”:
TRANSFORMATION OF INTERPRETATIONS AND PRACTICES
OF DYING IN THE CONTEMPORARY SOCIETY**

Book Review: *Protopresbyter Aleksandr Shmeman*. Liturgija smerti i sovremennaja kultura [Liturgy of Death, and Modern Culture]. M.: GRANAT, 2013. 176 s.; *Erickson K.A.* How We Die Now: Intimacy and the Work of Dying. Philadelphia: Temple University Press, 2013. 192 p.

REFERENCES

- [1] *Durkheim E.* Samoubijstvo. Sociologičeskij etjud [Suicide]. M., 1994.
- [2] *Eljutina M. Je., Filippova S.V.* Ritual'nye pohoronnye praktiki: soderzhatel'nye izmenenija [Funeral ritual practices: Substantive changes] // Sociologičeskie issledovanija. 2010. № 9.
- [3] *Il'jasov F.N.* Fenomen straha smerti v sovremennom obshhestve [Fear of death in the contemporary society] // Sociologičeskie issledovanija. 2010. № 9.
- [4] *Leksin V.N.* Umeret' v Rossii [Dying in Russia] // Mir Rossii. 2010. T. 19. № 4.
- [5] *Rogozin D.* Sociologija smerti [Sociology of death] // Otechestvennye zapiski. 2010. № 5.
- [6] *Sorokin P.A.* Samoubijstvo kak social'noe javlenie [Suicide as a social phenomenon] // Sociologičeskie issledovanija. 2003. № 2.